

Александр. Неизвестный скульптор. Терракота. II век до н. э.

Его считали сыном Зевса

Он был не только величайшим полководцем, не проигравшим ни одного сражения; не только повелителем державы, простиравшейся от Дуная до Инда и объединившей девять десятых цивилизованных земель того времени...

Александр Македонский (356—323 до н. э.) — сын царя Македонии Филиппа II. Отец Александра сделал Македонию единой и утвердил ее гегемонию над другими греческими государствами. Полководческому искусству Александр учился у отца, выдающегося военного деятеля своего времени, а другим наукам — у крупнейшего философа античности Аристотеля. Александр, прозванный Великим, стал величайшим символом той эпохи, провидцем, чьи слова и деяния остаются даже не в веках — в тысячелетиях! Имя героя на устах до сих пор. Один из примеров этого — недавний успех голливудского блокбастера «Александр» и компьютерной игры по мотивам фильма. Образ Александра Великого шагнул в современную жизнь в основном из трактата «Сравнительные жизнеописания» древнегреческого историка и философа Плутарха, фрагменты которого мы предлагаем вниманию читателей. Современная наука может упрекнуть Плутарха в использовании недостоверных источников, однако следует понимать, что для автора была важна не столько точность исторических фактов, сколько след, оставленный героем в истории. «Мы пишем не историю, а жизнеописания, — замечает Плутарх во вступлении к «Александром», — и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов».

Реконструкции художника Исаяи Слущкера.

Вверху. Осадная башня.

Внизу. Македонская фаланга — 16 рядов пехотинцев, защищенных с флангов отрядами конницы.

Филипп II многое сделал для Македонии: создал македонскую фалангу и сильный флот, ввел единую монетную систему. Гравюра Шарля-Поля Ландона. 1800-е годы. Слева. Монеты с изображением Александра Великого.

Филипп видел, что Александр от природы упрям, а когда рассердится, то не уступает никакому насилию, но зато разумным словом его легко можно склонить к принятию правильного решения; поэтому отец старался больше убеждать, чем приказывать. Филипп не решался полностью доверить обучение и воспитание сына учителям музыки и других наук, входящих в круг общего образования, считая, что дело это чрезвычайно сложное и, как говорит Софокл, *Кормило нужно тут и твердая узда*. Поэтому царь призвал Аристотеля, самого знаменитого и ученого из греческих философов, а за обучение расплатился с ним прекрасным и достойным способом: Филипп восстановил им же самим разрушенный город Стагиру, откуда Аристотель был родом, и возвратил туда бежавших или находившихся в рабстве граждан. Мне кажется, что и любовь к врачеванию Александру более, чем кто-либо другой, внушил Аристотель. Царь интересовался не только отвлеченной стороной этой науки, но, как можно заключить из его писем, приходил на помощь заболевшим друзьям, назначая различные способы лечения. Вообще Александр от природы был склонен к изучению наук и чтению книг. Он считал, и нередко говорил об этом, что изучение «Илиады» — хорошее средство для достижения военной доблести. Список «Илиады», исправленный Аристотелем и известный под названием «Илиада из шкатулки», он всегда имел при себе, храня его под подушкой, вместе с кинжалом, как об этом сообщает Онезикрит.

Однажды Александру принесли шкатулку, которая казалась разбивавшим захваченное у Дария имущество самой ценной вещью из всего, что попало в руки победителей. Александр спросил своих друзей, какую ценность посоветуют они положить в эту шкатулку. Одни говорили одно, другие — другое, но царь сказал, что будет хранить в ней «Илиаду». Еще в детские годы обнаружилась его воздержность: будучи во всем остальном неистовым и безудержным, он был равнодушен к телесным радостям и предавался им весьма умеренно; честолобие же Александра приводило к тому, что его образ мыслей был не по возрасту серьезным и возвышенным. Однажды, когда приближенные спросили Александра, отличавшегося быстротой ног, не пожелает ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: «Да, если моими соперниками будут цари!» Всякий раз, как приходило известие, что Филипп завоевал какой-либо известный город или одержал славную победу, Александр мрачнел, слыша это, и говорил своим сверстникам: «Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего». Стремясь не к наслаждению и богатству, а к доблести и славе, Александр считал, что чем больше получит он от своего отца, тем меньше сможет сделать сам. Возрастание македонского могущества порождало у Александра опасения, что все великие деяния будут совершены до него, а он хотел унаследовать власть, чреватую не роскошью, удоволь-

ствиями и богатством, но битвами, войнами и борьбой за славу.

Александр говорил, что сон и близость с женщиной более всего другого заставляют его ощущать себя смертным, так как утомление и сладострастие простираются от одной и той же слабости человеческой природы. И к вину Александр был привержен меньше, чем это обычно считали; думали же так потому, что он долго засиживался за пирушественным столом. Но в действительности Александр больше разговаривал, чем пил, и каждый кубок сопровождал длинной речью. Да и пировал он только тогда, когда у него было много свободного времени. Если же доходило до дела, Александра не могли удержать, как это не раз бывало с другими полководцами, ни вино, ни сон, ни развлечения, ни женщины, ни занимательные зрелища. Александр был равнодушен к лакомствам и изысканным блюдам, часто, когда ему привозили с побережья редчайшие фрукты или рыбу, он все раздаривал друзьям, ничего не оставляя себе.

Вся равнина между Нифатом и Гордийскими горами была освещена огнями варварского войска, из лагеря персов доносился неясный гул, подобный шуму безбрежного моря. Старейшие из приближенных Александра, и в особенности Парменион, были поражены многочисленностью врага и говорили друг другу, что одолеть такое войско в открытом бою было бы слишком трудным делом. Подойдя к царю, только что закончившему жертвоприношения, они посоветовали Александру напасть на врагов ночью, чтобы темнотой было скрыто то, что в предстоящей битве может внушить наибольший страх македонянам. Знаменитый ответ Александра: «Я не краду победу» — показался некоторым чересчур легкомысленным и неуместным перед лицом такой опасности. Другие считали, что Александр твердо уповал на свои силы и правильно предвидел будущее. Он не хотел, чтобы Дарий, обвинявший в прежней неудаче горы, теснины и море, усмотрел причину своего нынешнего поражения в ночном времени и темноте и отважился бы еще на одну битву. Александр понимал, что Дарий, располагающий столь великими силами и столь обширной страной, из-за недостатка людей или вооружения войны не прекратит, но сделает это только тогда, когда, побежденный в открытом сражении, потеряет мужество и утратит надежду.

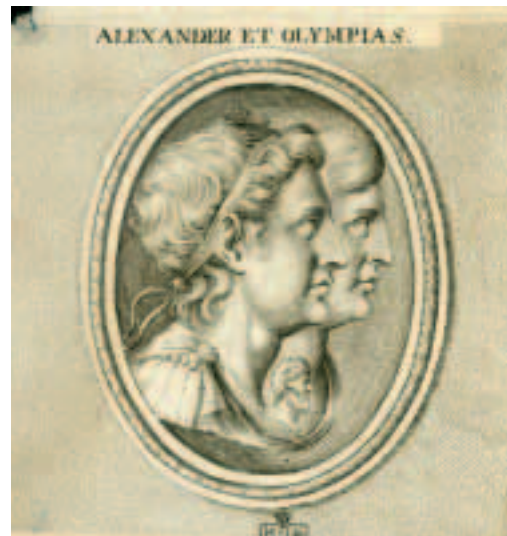
Варвары отступили прежде, чем передние ряды успели завязать бой. Яростно преследуя разбитого врага, Александр теснил персов к центру неприятельского расположения, где находился сам Дарий. Александр заметил его издали, сквозь передние ряды персидских воинов, — Дарий стоял на высокой колеснице в середине царского отряда, рослый и красивый, окруженный множеством всадников в блестящем вооружении, сомкнувшихся вокруг его колесницы и готовых встретить врага. Однако чем ближе был Александр, тем более приходили они в смятение: гоня перед собой отступающих, разбивая строй тех, кто еще держался, он устранил и рассеял почти всех телохранителей Дария. Только самые смелые бились за своего царя до последнего вздоха; падая друг на друга, они затрудняли преследование, судорожно вцепляясь во вражеских всадников и их коней. Это страшное зрелище развертывалось на глазах у Дария, и окружавшие царя персидские воины уже гибли у самых его ног. Но повернуть колесницу и выехать на ней было невозможно, так как множество мертвых тел не давало колесам сдвинуться с места, а кони, почти скрытые под грудой трупов, становились на дыбы, делая возницу совершенно беспомощным. Бросив оружие и колесницу, Дарий, как рассказывают, вскочил на недавно ожеребившуюся кобылу и бежал.

Александр видел, что его приближенные изнежились вконец, что их роскошь превысила всякую меру. За все это царь мягко и разумно упрекал своих прибли-

Александр в эгиде. Мрамор. Скульптура эпохи эллинизма.

Александр и его мать Олимпиада. Гравюра пунктиром. XIX век.

Битва Александра с Дарием. Мозаика из Дома фавна в Помпеях.

«Чтобы образно охарактеризовать жизненный путь и власть Александра, можно сказать, что он завладел всей землей, которую он видел, и умер, помышляя и мечтая об остальной».

Древнеримский историк Аппиан

Художник Аппеллес, величайший греческий живописец при дворе Александра Великого, славился грацией своих Венер и Диан, благородством изображений самого полководца. Увы, его работы до наших дней не сохранились.

женных. Александр высказывал удивление, как это они, побывавшие в стольких жестоких боях, не помнят о том, что потрудившиеся и победившие спят слаще побежденных. Разве не видят они, сравнивая свой образ жизни с образом жизни персов, что нет ничего более рабского, чем роскошь и нега, и ничего более царственного, чем труд? Александр намеревался отправиться в Индию, но, видя, что из-за огромной добычи войско отяжелело и стало малоподвижным, однажды на рассвете велел нагрузить повозки, и сначала сжег те из них, которые принадлежали ему самому и его друзьям, а потом приказал поджечь повозки остальных македонян. Оказалось, что отважиться на это дело было гораздо труднее, чем совершить его. Лишь немногие были огорчены, большинство же, раздав необходимое нуждающимся, в каком-то порыве восторга с криком и шумом принялось сжигать и уничтожать все излишнее. Это еще более воодушевило Александра и придало ему твердости.

Таксил, как сообщают, владел в Индии страной, по размерам не уступавшей Египту, к тому же плодородной и богатой пастбищами, а сам он был человек мудрый. Приветливо приняв Александра, он сказал ему: «Зачем нам воевать друг с другом, Александр, —

ведь ты же не собираешься отнять у нас воду и необходимые средства к жизни, ради чего только и стоит сражаться людям разумным? Всем остальным имуществом я охотно поделюсь с тобой, если я богаче тебя, а если беднее — с благодарностью приму дары от тебя». С удовольствием выслушав эту речь, Александр протянул Таксилу правую руку и сказал: «Не думаешь ли ты, что благодаря этим радужным словам между нами не будет сражения? Ты ошибаешься. Я буду бороться с тобой благодеяниями, чтобы ты не превзошел меня своей щедростью».

Храбрейшие из индийцев-наемников, переходившие из города в город, сражались отчаянно и причинили Александру немало вреда. В одном из городов Александр заключил с ними мир, а когда они вышли за городские стены, царь напал на них в пути и, захватив в плен, перебил всех до одного. Это единственный позорный поступок, пятнающий поведение Александра на войне, ибо во всех остальных случаях Александр вел военные действия в согласии со справедливостью, истинно по-царски.

Печатается по изданию: Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Т. 2. М., 1963